

ГЛАВА 1

ЦВЕТОК СРЕДИ СОРНЯКОВ

Сайто Юти — глава клана Сайто и отец Аямэ — был стар. Эту простую истину знали все. Ему почти исполнилось шестьдесят, у него часто болело все тело, покрытое шрамами, полученными еще в молодости, но он все равно каждый день проводил в додзэ*, тренируясь сам и тренируя молодых оммёдзи. Упорством и суровостью он заслужил в равной степени уважение и ненависть клана. Уважали его исключительно за упорство и преданность Сайто преимущественно такие же старики, как и он, а ненавидели все, кому приходилось ему прислуживать, и большинству из них еще не исполнилось тридцати.

Аямэ относилась к числу вторых. Она ненавидела собственного отца и дочерней привязанности и почтения к нему не испытывала.

— Старшая сестра, — склонились перед ней две молодые девушки и трое юношей, стоило только войти во двор

---

* Додзэ — изначально место для медитаций и духовных практик, в последующем — место для проведения тренировок, соревнований и аттестаций в различных видах спорта.

и сделать шаг в сторону додзё. — Пусть Аматаэрасу-сама* осветит ваш день, а Сусаноо-сама дарует силы.

Спины их гнулись в поклонах столь низких, что от одного взгляда начинала болеть собственная спина, и Аямэ знала — это не из-за уважения, а потому, что отец тренировал оммёдзи так, словно готовил к войне, они были солдатами его личной армии и потому обязаны беспрекословно слушать всех, кто выше по статусу.

— Да, да, — нетерпеливо отмахнулась Аямэ. — Ступайте.

Ее тошнило от одной мысли, что, когда клан перейдет в ее руки, люди не прекратят сгибаться перед ней, будто перед самым императором. Достаточно приветствия, но не сгорбленных спин.

Никогда Аямэ еще не радовалась тому, что ей не придется выходить замуж, только бы занять должность главы. Нужно лишь дождаться, когда отец уйдет на покой, и тогда она позаботится обо всех Сайто должным образом.

Стоило молодым оммёдзи уйти, как она окинула взглядом двор, подмечая, что могло измениться. Разумеется, все стояло как и прежде. Всей душой Аямэ ненавидела этот двор — тошнотворно чистый, с идеальным садом камней и кустами глицинии, которые по периметру огибали имение Сайто и цвели по весне так густо, что запах разносился на ри** вокруг. Сейчас же стояла осень, а потому двор выглядел голым и пустым, под стать сердцам обитателей поместья.

---

* Аматаэрасу — богиня-солнце, одна из трех наиболее почитаемых богов в японской мифологии.

** Ри — японская мера длины, равная примерно 3,927 километра.

Ненавидела Аямэ и дом. Высокое, в два этажа строение с пагодой*, на вершине которой громоздился символ бога-покровителя клана. Как ненавидела и мать, стоящую сейчас на энгаве и недовольно смотрящую на единственную оставшуюся дочь. Аккуратно и чинно сложив руки на оби**, она всем видом демонстрировала, как должна выглядеть и вести себя дама из благородного клана. Аямэ в ответ хотела демонстративно плюнуть на землю и распахнуть ворот нижних одежд шире, обнажая ключицы, как порой делала Генко, желая смутить Йосинори. Наверняка матушку хватил бы удар, но вряд ли смертельный. Слишком молода, ей даже не перевалило за сорок.

— Ты опоздала, — опустив приветствие, сказала Сайто Кику и окинула критическим взглядом наряд дочери. Тонкие губы сжались плотнее, так что стали походить на алую нить, а Аямэ с трудом сдержала довольную ухмылку. Раздразнить матушку было забавно.

— И вам доброго дня, — выверенным ровным голосом ответила она, кладя руку на рукоять меча.

Кику недовольно посмотрела на Аямэ, но смолчала. В вопросах оммёдо она не имела права голоса, выбрав в свое время оставаться мирным членом клана, а не бороться с нечистью. Многие женщины Сайто так и поступали, но они хотя бы имели совесть с должным уважением относиться к тем девушкам, которые выбрали оммёдо. Кику к ним не относилась, и это была одна из причин, почему Аямэ ее недолюбливала.

---

* Пагода — буддийское, индуистское или даосское сооружение культового характера.

** Оби — пояс, который носят с традиционной японской одеждой; может быть различной формы и размера.

— Собрание скоро начнется, тебе следует сменить одежду, — произнесла мать с чем-то похожим на злорадство в голосе. Заставить дочь надеть неудобное женское кимоно взамен привычных и практичных хакама* дарило Кику бо́льшую радость, чем эту дочь видеть.

Аямэ едва сдерживалась, чтобы не подпортить холеный двор и хоть так досадить матери. Разобрать бы сад камней или пустить пару сикигами развлечься на свободе... Вот только Кику уже скрылась в доме, а двор пришлось бы убирать или младшим ученикам, или менее одаренным Сайто, перед этим получив несколько ударов палкой по приказу матушки за то, что не смогли остановить Аямэ. Впрочем, даже если бы она и разрушила все, а слуги попытались ее остановить, Кику бы все равно наказала их, но уже за то, что посмели перечить желаниям наследницы. Аямэ не намеревалась никому доставлять проблем, так что подавила порыв и направилась в дом, оставив желание попасть в додзё, сразиться с отцом и показать, что она уже вполне достойна сместить его с должности.

Прислуга в доме низко поклонились, и Аямэ скрипнула зубами от досады, когда снимала обувь в гэнкане**. Конечно, Сайто уподобились императору в мире оммёдо, но подобное отношение к людям было излишним. За десять лет постоянного отсутствия в клане, которые она провела в Бюро оммёдо, Аямэ забыла такое отношение. В Бюро никто и никогда не кланялся так низко, что виднелся затылок, а к самой Аямэ относились как к равной, за что она искренне благодарила Бюро.

---

* Хакама — традиционные японские широкие штаны в складку.

** Гэнкан — зона у входной двери, где гости могли снять обувь.

Две молчаливые служанки пристроились позади Аямэ бесшумно, почтительно склонив головы и сложив перед собой руки, как только молодая госпожа прошла мимо них. Аямэ покосилась на приставленных к ней девушек. Худые и с синяками на руках от постоянных шипков за какое-нибудь незначительное неповиновение, глаза смотрят в пол, а шаги столь маленькие из-за туго запахнутых кимоно, что при всем желании девушки не смогли бы сбежать, если бы в этом была необходимость.

Непрактичность женских одеяний. И Аямэ предстояло облачиться в схожий наряд, когда мужчины могли свободно расхаживать в хакама.

Ее искупали в ледяной воде, наверняка по приказу матери не подогрев до хотя бы приемлемой температуры, и только потом сопроводили в комнату. Та не изменилась, разве что бонсай куда-то унесли. Низкий стол для каллиграфии так и стоял у сёдзи*, которые выходили во внутренний сад, но сейчас возле него, сразу напротив входа, привычно пустое пространство занимал наряд. Небесно-голубое фурисодэ**, вышитое бабочками, порхающими над водяными лилиями, даже выглядело слишком богато, и Аямэ не сомневалась, что матушка постаралась выбрать лучший из возможных шелк. Она всегда пыталась одеть единственную оставшуюся дочь как куклу, не особо заботясь о мнении самой Аямэ, и при этом продемонстрировать богатство клана Сайто.

Белоснежная нижняя рубаха — нагадзюбан — холодила и без того продрогшее тело, кимоно мгновенно сковало

---

* Сёдзи — раздвижные двери.

** Фурисодэ — разновидность кимоно с длинными рукавами, которое носили незамужние девушки и невесты.

движения, а таби* оказались малы. Вместо привычного хвоста, который Аямэ скрепляла кожаным шнурком, служанки соорудили тяжелую прическу. Шпильки-кандзаси давили на голову, а свисающие с них украшения звенели точно над ухом.

Хотя бы не заставили наносить краску на лицо.

Бесполезное ожидание наконец подходило к концу. Аямэ слышала, как дальше по коридору раскрылись сѣдзи комнаты матери, а спустя довольно долгое время две ее служанки распахнули створки в спальню Аямэ. Кику критично осмотрела дочь и ее наряд, уделив внимание каждой детали. Аямэ же, глядя на одеяние матери, едва сдержалась, чтобы не изогнуть бровь в полном недоумении и даже некотором возмущении. Дзюни-хитоэ? Двенадцать слоев кимоно?

Матушка, вероятно, совсем повредила рассудком.

— Все в клане должны знать, кто их госпожа и кто станет следующей главой клана, — холодно произнесла Кику, складывая руки на оби идеально выверенным жестом.

— Вы, как и всегда, правы, — смиренно ответила Аямэ. Глаза матери опасно сузились в поисках подвоха, но голос Аямэ был ровным и ничего не выражающим, так что Кику не могла ничего сказать против.

— Пока твой отец — глава клана, ты не говоришь, — напомнила Кику. — Только если спросят.

— Разумеется, матушка.

Ледяной взгляд Кику обжег не хуже раскаленного клинка, и будь Аямэ семь, она пришла бы в ужас, но не

---

* Таби — традиционные японские носки длиной до лодыжки с отдельным большим пальцем.

** Дзюни-хитоэ — традиционный японский костюм аристократок, состоящий из двенадцати слоев кимоно.

сейчас, когда по духовным силам она превосходила любого мужчину их клана. Никто из клана Сайто не мог ей противостоять. И матушка об этом знала.

— За мной. — В голосе прозвучали властные и нетерпеливые нотки, а Аямэ позволила себе ухмыльнуться. Прошли годы с тех пор, как она боялась хоть кого-то в этом клане. Пусть теперь боятся ее.

Быстро и уверенно прикрепив к поясу ножны, она последовала за матерью. Кику шла медленно. Тяжелый, не предназначенный для повседневной носки наряд наверняка давил на плечи, но она все равно шла вперед с неповторимой уверенностью и достоинством. Истинная госпожа, о чем в прежние времена Кику не забывала напоминать нерадивой дочери. Сейчас же их путь проходил в молчании, чему Аямэ радовалась. Отвечать на колкости вроде тех, что ей пора искать мужа, а не бегать по горам и лесам, убивая чудовищ, не было никакого желания.

— Ты ранена? — неожиданно спросила мать, и Аямэ на какое-то мгновение подумала, что той не плевать на нее. Но мысль исчезла так же быстро, как и появилась, когда Кику продолжила: — Шрамы — достояние мужчин. Они демонстрируют их силу и способность защитить себя и свою семью. Девушкам же шрамы ни к чему.

Тишина, повисшая между ними как капля дождя на листке, готовая вот-вот сорваться, давила, и, когда стало ясно, что матушка все же ожидает ответа, Аямэ произнесла:

— Последний *видимый* шрам мне оставил Сусаноо-сама. Так что нет, не ранена.

В голос Аямэ все же пробралось едва сдерживаемое злорадство. Метку в форме ладони бога все признали благословенной. Древние старики Сайто, из тех, кто

давно покинул Совет старейшин и которые уже почти ослепли или едва ходили, едва не молились на будущую главу, и Кику ничего не могла с этим поделать, понимая, насколько редкий дар получила дочь. Но оставь на Аямэ метку ёкай, мать устроила бы скандал, требуя немедленно бросить оммёдо и вернуться в клан. Крики бы Аямэ проигнорировала, но сама ссора наверняка повлекла бы за собой слухи, а это могло повредить репутации клана, столь идеальной для окружающего мира.

Аямэ казалось это забавным — во всей стране почитали Сайто, полагая их образцом для подражания, но внутри клан прогнил, как прекрасный внешне, но выведенный червями фрукт.

Зал глициний — основной зал, в котором собирались глава клана, его семья, Совет старейшин и некоторые высокопоставленные оммёдзи, — уже был переполнен. Аромат благовоний, смешанный с запахами пота, дешевого и дорогого sake* и старческих тел, ударил по обонянию, и Аямэ едва не развернулась и не сбежала отсюда подальше, подхватив повыше полы кимоно. Сёдзи, выходящие на улицу, наглухо закрыли и запечатали талисманами с сикигами, чтобы ни одна живая душа не проникла внутрь и не услышала ничего лишнего.

Как будто здесь хоть когда-то обсуждали что-то достаточно важное.

Матушка с видом императрицы, снизошедшей до своих слуг, прошла через весь зал и с неожиданной для такого громоздкого наряда ловкостью и изяществом села позади отца. Оставшееся свободное место находилось

---

* Сакэ — традиционный японский алкогольный напиток на основе риса.

по правую руку от главы клана, который нечитаемым взглядом смотрел на Аямэ. Судя по одежде — распахнутое на груди кимоно и запыленные хакама, — он не удосужился привести себя в порядок и пришел на собрание напрямиком из додзё.

В тишине, что воцарилась с ее прибытием, Аямэ просеменяла к своему месту, мысленно проклиная всех, кто сейчас тихо посмеивался над ней. Сделать более широкий шаг в кимоно не представлялось возможным, так что она едва передвигалась, в то время как остальные — мужчины и несколько женщин — были в пусть и формальных, но удобных хакама. Неудивительно, что они позволили себе перешептывания и тихие насмешки над наследницей клана. Она все еще не могла понять, почему большинство до сих пор воспринимали ее только как неразумное и вспыльчивое дитя.

Девушки, насколько Аямэ помнила, всегда ходили с чуть опущенным подбородком, но она не собиралась следовать этому правилу. Вскинув голову, чтобы смотреть на всех сверху вниз, Аямэ добралась до своего места и села настолько аккуратно, что даже мать не нашла бы в ее движениях изъяна. Стоило Аямэ устроиться, как разговоры вернулись, но она чувствовала на себе любопытные взгляды. И только один из них не раздражал.

Хитоси был одним из немногих членов клана, кого она искренне ценила. Аямэ встретил знакомый изгиб кривой улыбки, навсегда застывшей на его лице из-за шрама, оставленного ёкаем почти десять лет назад. Шрам тянулся от правого уголка губ вверх, искажая приятное глазу лицо. Хитоси сидел точно напротив Аямэ, по левую сторону от отца, как запасной наследник. Ей же предстояло сидеть рядом с Рюити.

В отличие от Хитоси — настоящего родственника, ведь их с Аямэ отцы были родными братьями, — Рюити, хоть и относился к основной ветви клана Сайто, не мог претендовать на место его главы. Отец вбил в Рюити пренебрежение к женщинам, и он вырос с мыслью, что лишь мужчины могут руководить кланом. Он недолго любил Аямэ, презирал худощавого Хитоси и ненавидел сам факт того, что ему никогда не достанется власть. А его пренебрежение к женщинам Аямэ никогда не могла понять, ведь именно из-за матери Рюити включили в основную ветвь клана. Его отец, внебрачный ребенок от случайной связи одного Сайто из боковой ветви клана и юдзё, смог добиться должного уважения благодаря упорному труду и удачному браку. Зарекомендовав себя как способного оммёдзи, он быстро очаровал одну из сестер Юти, женился и вошел в основную ветвь клана, хоть и без права стать главой.

— Для кого-то столь незначительного ты много о себе мнишь. Все ждали только тебя, — возмущенно и с отвращением прошептал Рюити, с высоты своего роста глядя на Аямэ. Медвежье тело — крупное, высокое и такое же неповоротливое в большинстве случаев — нависало над крохотной на его фоне Аямэ. Хитоси напрягся. Она видела, как он сжал кулаки и чуть подался вперед. Незначительно, никто и не заметил, посчитав, что он интересуется предложенными закусками, но она знала его лучше.

— Я пришла вместе с матерью, которая вошла первой, — спокойно ответила Аямэ, бросив предупреждающий взгляд на Хитоси, чтобы тот не лез. — Больше похоже, что все ждали ее, а не меня. Или ты так пытаешься оскорбить старшую госпожу, указав, что она много о себе мнит?

Рюити поперхнулся воздухом, не найдя быстрого ответа, пока Аямэ делано равнодушно наливала себе sake, предложенное гостям, — перед каждым из присутствующих стоял чабудай* с выпивкой, закусками и водой.

— А ты ловко переводишь разговор, — нашелся Рюити, склоняясь к Аямэ. Со стороны это выглядело как тихий личный разговор, но на деле Рюити нависал над Аямэ в безуспешной угрозе.

— Оставь сестру в покое. — Тихий, но твердый голос заставил Рюити замереть и вернуться на свое место с кривой улыбкой на лице.

— Это ее-то ты назвал сестрой?

Аямэ обернулась, чтобы лучше рассмотреть Рёту. Он был младше Рюити на год и, как и полагается родному брату, походил на Рюити почти во всем, начиная от внешности и заканчивая голосом, но совершенно отличался характером — собранным, даже в какой-то мере холодным. Он редко вступал в споры, предпочитал думать и только потом действовать, а свободное время проводил не в компании юдзё, как Рюити, а закопавшись в свитки и книги. Если кому в этой ветви клана и достался ум, то однозначно Рёте.

— Послушай младшего брата, Рюити-кун**. В противном случае не сосчитаешь зубов. — Аямэ ухмыльнулась, приподнимая чашу с sake и наблюдая за покрасневшим от злости Рюити. Рёта промолчал, но зубы сжал так крепко,

---

* Чабудай — небольшой столик на коротких, не выше 30 сантиметров, ножках.

** Кун — суффикс, используемый в обращении к младшему по возрасту или социальному положению человеку. Обычно употребляют по отношению к мужскому полу.

что на скулах заходили желваки. Пусть он никогда не показывал своей враждебности, но недолюбливал Аямэ так же сильно, как и Рюити.

— Мелкая дрянь, когда-нибудь ты оступишься, и тогда я... — прошептал Рюити взбешенно, ухватил Аямэ за руку и сжал изо всех сил. Она вывернулась из его хватки и сама впилась тонкими пальцами в его туго замотанное бинтами запястье — последствие неудачной тренировки или битвы с ёкаями. На повязках тут же проступила кровь.

— Тебе в жизни не достичь того, чего я добилась к своим восемнадцати годам, — сверкнув глазами, которые на мгновение стали ярче, тихо прошипела Аямэ в ответ. В гомоне голосов ее не слышали, так что она не стеснялась в выражениях. — Ты чуть старше меня, хвалишься своими умениями, а даже девчонку побороть не можешь. Думаешь, Сусаноо-сама дал бы тебе свое благословение, окажись ты пару лет назад на моем месте в Сиракаве? Да он бы засмеялся тебе в лицо и отказался признавать, что хоть когда-то связывался с кланом Сайто, ничтожество. Знай свое место — и не высовывайся!

— Аямэ! — В надтреснутом, скрипящем голосе отца звучали предупреждающие ноты.

Она медленно отвела взгляд от Рюити, понимая, что неосознанно выпустила энергию наружу, заставив всех замолчать и вслушиваться в ее шипение нерадивому Рюити. Отец выглядел одновременно злым, ведь все увидели его дурной нрав, и непривычно гордым. Неспособный произвести на свет сына, Юти заранее разочаровался в дочерях, но Аямэ в итоге быстро стала его гордостью. Вот только в ней он видел лишь красивую вещицу, которую можно

показать всем, а не любимое дитя. Так что, очевидно, гордился он явной демонстрацией силы, а не тем, что дочь поставила на место наглеца, уверенного в собственном превосходстве. На столь дерзкое отношение к наследнице он даже не обратил внимания, хотя наглеца явно следовало наказать.

— Прошу прощения, Юти-сан*, — отпустив наконец запястье Рюити, поклонилась Аямэ, натянув на лицо равнодушную маску. — Неделя выдалась тяжелой. Видимо, я устала.

Не более уважительное и используемое всеми «почтенный Юти-сама». Он тоже обратил на это внимание, судя по тому, как углубились морщины между бровями. Мать послала Аямэ предупреждающий взгляд, но она предпочла его проигнорировать, а только еще раз поклонилась главе клана, ожидая речи. Более ясный намек на то, что пора бы заняться делом, сложно было придумать.

Выразительно прокашлявшись, чтобы взгляды присутствующих оторвались от Аямэ, а последние шепотки стихли, отец заговорил.

— Да освятит Аमतэрасу-сама ваш день, а Сусаноо-сама подарит силы! — склонив голову, начал он. В ответ раздались нестройные ответные пожелания, и собравшиеся поклонились — привычно и неизменно. — После произошедшего два года назад сражения в Сиракаве ёкаи притихли. Пусть боги и оммёдзи тогда победили, а ёкаи на это время скрылись, судя по всему, они решили, что

---

* Сан — нейтрально-вежливый суффикс, обозначающий отношение к равному по возрасту и/или социальному положению собеседнику, аналог русского местоимения «вы».

достаточно отсиделись в стороне, и принялись вновь нападать на людей с особой жестокостью.

Стоило ему замолчать, как гости зашумели, обсуждая услышанное. Аямэ нахмурилась. Она... не знала ни о чем подобном. Всю прошлую неделю она принимала экзамен у выпускников Бюро, оставшись единственной незанятой оммёдзи с достаточно высоким для этого рангом. Совершенно случайно — в чем Аямэ глубоко сомневалась — Нобуо-сенсей* отправил почти всех действующих оммёдзи на задания.

В любом случае куда более важным оказался тот факт, что в Бюро не знали о ёкаях, которые вдруг вновь начали бесчинствовать. Или же знали и потому специально удерживали Аямэ подальше от неприятностей, которые она могла создать в попытке броситься в бой.

— Три дня назад погиб оммёдзи из восточной ветви клана, — когда немного смолкли разговоры, продолжил отец.

Аямэ бросила взгляд на одного из старейшин, ответственного за эту часть города. Исао-сан на старости лет не потерял прежней формы и, подобно отцу Аямэ, все еще проводил свои дни в додзё. Исао-сан держался ровно, лицо оставалось расслабленным и спокойным, но в плечах виднелось напряжение.

— А этим утром появились сведения, что пострадал оммёдзи из Бюро. На него напала ямауба**... — произнес

---

* Сенсей — суффикс, используемый по отношению к учителю (в широком смысле), наставнику, преподавателю. Часто употребляется как отдельное слово.

** Ямауба — ёкай, который выглядит как безобидная старуха, но, когда редкие гости, забредшие к ней, засыпают, обращается в чудовище и съедает своих гостей.

Исао-сан, и его тут же прервал старейшина северной ветви, не дав закончить речь.

— Ямауба? Он остался в доме демонической старухи и настолько расслабился, что дал ей попробовать себя на вкус? Или же так крепко уснул? — хихикнул Сузуму-сан, и его поддержали еще несколько человек.

— Она напала на него посреди дня, — проигнорировал насмешку Исао-сан, и все мгновенно замолчали.

Это было странно. Ямауба нападали исключительно ночью, когда нерадивые гости крепко засыпали. И тогда приветливая старуха превращалась в чудовище и поедала тех, кто ей доверился. Но напасть днем? На оммёдзи? Нелыханная наглость и самоуверенность.

— Где это произошло? — задал вопрос отец.

— Неподалеку от деревни Гокаяма, в провинции Эгтю.

— Как этого оммёдзи туда вообще занесло?

Аямэ промолчала, хотя очень хотела сказать, что так же, как и Йосинори в свое время. Гокаяма, как и Сиракава, была отдаленной и труднодоступной деревней в горной местности. Людей там проживало немного, посещали их редко, а Гокаяма размерами была даже меньше Сиракавы, так что вопрос прозвучал вполне уместно.

— Нам доходило письмо, что двух местных съели в горах. Там редко что-то происходит, потому из нашего клана никто не откликнулся, прошение вернулось в Хэйан и в итоге попало в Бюро. Их оммёдзи был опытным воином, если вдруг кто-то решил, что отправили совсем юнца.

Тревожные вести заставили всех настороженно переглядываться и переговариваться с удвоенной силой. Только Ситиро — старейшина южной ветви — никак

не отреагировал, продолжая распивать sake. Судя по замутненному взгляду, старик даже не понимал, в чем дело. Дряхлое тощее тело едва не заваливалось на бок, дрожало и, казалось, вот-вот рассыплется, но старейшина продолжал цепляться за жизнь с завидным упорством. Примерно таким же, с каким он сейчас ухватился за кувшин выпивки.

Четыре ветви клана отвечали за свою часть города, в соответствии с которой их и назвали. Западная ветвь, к которой принадлежала Аямэ, считалась главной, и лишь ее представители могли руководить кланом. Сакаи, город десятилетиями находящийся под защитой Сайто, с западной стороны выходил к морю, откуда однажды к ним и вышел Сусаноо-но-Микото и одарил своей благодатью клан. Первый благословенный стал главой, и именно к его роду относилась Аямэ. Остальные, кому бог даровал благословение, распределили между собой город, в котором поселились и о котором заботились.

В детстве, пока не началось обучение, Аямэ думала, что представители ветвей сильные, справедливые и стойкие люди. Реальность была более жестокой — почти все старики оказались лицемерными мерзавцами с завышенным самомнением и мешком недостатков, во главе которых стояло sake.

Поэтому, глядя, как старик Ситиро напивается, как Сузума пытается казаться более остроумным, как Исао заносчиво смотрит на всех присутствующих и как отец не предпринимает ничего, чтобы прекратить нарастающие крики, Аямэ могла только стискивать зубы от досады и пытаться сдерживать злость. Она взяла чашу sake и покрутила ее в руках. Всматриваясь в размытое отражение,

где виднелись только ее глаза, Аямэ постаралась успокоиться.

Пусть она и поступала безрассудно в большинстве случаев, но не могла высказаться против происходящего, как и в принципе не могла говорить все, что пожелала. Пока она не стала главой клана, ей приходилось следовать установленным правилам. И молчание входило в их число.

Если только ей не задавали прямой вопрос, как сейчас.

— В Бюро оммёдо что-то говорили о произошедшем? — спросил отец, переведя взгляд на Аямэ.

— Я выехала из Хэйана заранее, так что ничего не слышала, — поставив пустую чашу на стол, ответила Аямэ, глядя в глаза отцу. Дерзость, за которую ее могли бы наказать, не будь она наследницей.

— Занятно, что донесения добрались до Исао-сама быстрее, чем сестра приехала в Сакаи, хотя вы оба прибыли из столицы. И письмо ведь наверняка отправили позже, — гоготнул Рюити, надеясь задеть Аямэ, но она напала в ответ, как змея из мешка.

— Если бы мой дражайший братец чаще покидал город и избавлял окрестности от ёкаев, а не только сидел в додзё, наблюдая за чужими тренировками, — начала Аямэ с хищной улыбкой, — то, возможно, мне бы не пришлось выезжать в ночь, чтобы сделать за него всю работу.

Рюити покраснел от злости, готовый наброситься на нее, но заставил себя сидеть. Только багровое лицо продолжало пылать от унижения. Аямэ с трудом подавила ухмылку, вместо этого решив поест. Саке грело изнутри, теплом распространяясь по желудку, а тот требовал еды. Слуги постарались: перед каждым гостем стояли

цукэмоно* нескольких видов, намасу** и бобы эдамаме***. Поставили даже гюнабэ****, который обычно ели только мужчины, но Аямэ радовалась такой оплошности — острая говядина хорошо подходила к выпивке, кувшин которой она намеревалась осушить до дна. Ей еще несколько дней предстояло находиться в клане, поэтому хотя бы первый она постарается забыть.

Пока Аямэ размышляла по поводу еды, старательно игнорируя присутствующих, в зале разгорелся настоящий спор. Воспоминания о сражениях бок о бок с богами были слишком свежи, и большинство противилось тому, чтобы вступать в новую битву. Даже если сами они все это время сидели на татами***** здесь, в Сакаи, за стенами увешанных талисманами-офуда***** домов.

— Необходимо отправлять оммёдзи на задания хотя бы по двое. — Громкий женский голос на мгновение перекрыл крики и споры, и Аямэ отвлеклась от цукэмоно, подняв взгляд на говорившую.

Женщина, в возрасте почти столь же почтенном, как и у большинства присутствующих, выглядела величественно и достойно. Она ровно держала спину, одна рука ее лежала на коленях, вторая же то и дело тянулась

---

* Цукэмоно — маринованные в соли или рисовых отрубях овощи, которые подают как закуску к рису или алкоголю.

** Намасу — тонко нарезанные маринованные овощи и морепродукты. Считаются предшественником современных сашими.

*** Эдамаме — приготовленные в воде или на пару в стручках незрелые бобы сои.

**** Гюнабэ — тушеная с овощами в мисо или соевом соусе острая говядина.

***** Татами — соломенные маты, которыми покрывают пол.

***** Офуда — разновидность талисмана, который получали в синтоистском храме.

к лежащим рядом ножнам от катаны, а лицо сохранило остатки былой красоты: даже испещренное морщинами, оно привлекало внимание правильными чертами, удивительным внутренним сиянием и отсутствием шрамов, которых не мог избежать никто из действующих оммёдзи. Женщина казалась знакомой, но Аямэ никак не могла ее вспомнить.

— Йоко-сама права, — кивнули несколько старейшин, а Аямэ наконец поняла, кто перед ней: за прошедшие годы лицо Йоко-сама изменилось достаточно, чтобы Аямэ не сразу узнала ее.

Первая супруга Сайто Юти. За шестнадцать лет брака она так и не родила ни одного ребенка. Старейшины тогда настояли, чтобы супруги развелись — неслыханное прежде дело в клане — и Юти нашел себе новую, молодую и здоровую жену. Так родители Аямэ и поженились — семнадцатилетняя Кику из северной ветви Сайто и тридцативосьмилетний глава клана Юти. Разница в двадцать один год не смущала молодую жену. Кику, в достаточной степени амбициозная и тщеславная, видела в союзе не похороненное будущее в компании старика, а шанс возвыситься. А когда Кику в первый же год брака забеременела, пусть и родила в итоге дочь, ее уверенность в себе достигла того уровня, что уже никто и ни при каких обстоятельствах не смог бы ее пошатнуть.

Когда-то Аямэ желала называть матерью Йоко. Еще в юном возрасте Кику отказалась от работы оммёдзи, хотя была от природы талантлива — даже без тренировок она могла призвать трех сикигами. А вот Йоко выбрала путь борьбы с демонами. Всю замужнюю жизнь она сопровождала Юти в каждом сражении. Боролась на равных

с мужчинами, призывала пять сикигами и всегда стойко переносила ранения. Ей уже перевалило за пятьдесят, но все знали, что Йоко до сих пор способна за себя постоять и дать отпор любому, кто станет на ее пути.

Такая жизнь была для Аямэ ближе, чем убеждения матери, которая предпочитала следить за тем, чтобы ее кожа оставалась белой и гладкой, а тело пребывало в комфорте, для поддержания которого сама она не сделала ровным счетом ничего.

Споры продолжились. Йоко больше ничего не говорила, Аямэ вернулась к еде и игнорированию едких замечаний Рюити, лишь изредка поднимая глаза, чтобы следить за происходящим.

Рёта с завидным спокойствием опустошал чашу за чашей. Хитоси не отводил взгляд от блюд, практически не трогал sake, но съел уже почти все, что стояло на чабудае. Отец делал вид, будто понимает и слушает каждого, хотя в нарастающем шуме это было невозможно. Мать же восседала позади отца подобно императрице, коей себя, без сомнения, и считала. С момента, как она заняла свое место, Кику не сдвинулась ни на сун*, сэйдза ее оставалась идеальной, а руки были чинно сложены на коленях. Совершенство, а не женщина.

Аямэ тут же наполнила еще одну пиалу sake и сразу ее осушила.

Разговор тем временем продолжался. Весьма быстро решив, что своих соклановцев необходимо оберегать, а потому на задания отправлять их следует в парах, а то и по три-четыре человека, но никак не поодиночке, старейшины и гости сменили тему.

---

* Сун — японская мера длины, равная 3,03 сантиметра.

Начались споры о том, кто в этом месяце потратился больше и сильнее опустошил казну, кого из близнецов назначить преемником в какую-то побочную ветвь клана, чьи представители даже не прибыли на собрание, как поздравить внука одного из старейшин, которого здесь тоже не наблюдалось, со вторым призванным сикигами... Собрание больше походило на рыночные сплетни. Аямэ отметила, что и эту традицию в клане следует убрать. Собираться ежемесячно для обсуждения настолько незначительных вещей, при этом тратя из общей казны немалые суммы на еду и выпивку? Абсолютно бессмысленное дело.

Время тянулось медленно. Хитоси откровенно дремал — его голова то и дело падала на грудь и резко приподнималась в попытке прийти в себя и не уснуть окончательно. Чабудай перед ним давно опустел, а слуги, которым не позволяли присутствовать на собрании, не могли обновить закуски, так что у Хитоси даже не было возможности занять себя едой. Пусть он, как и Аямэ, являлся прямым наследником и, ко всеобщему почтению, мужчиной, говорить он тоже мог только в том случае, если ему задавали прямой вопрос. Наследники в первую очередь обязаны слушать и слышать и лишь потом говорить. И на подобных собраниях якобы обучались этому искусству.

А вот Рюити наоборот — болтал без умолку, оставив наконец Аямэ в покое. Не ограниченный рамками наследования, он высказывал свое мнение по любому вопросу, даже если был не прав. Особенно если был не прав. Его не слушали. Заглушенный десятком других, более весомых из-за своего статуса голосов, он тем не менее не сдавался и продолжал с упорством осла говорить и говорить. И только полученная с опытом способность игнорировать

окружающий ее шум помогала Аямэ держаться и не реагировать на колкие фразы Рюити, которые он, отвлекаясь от разговоров, изредка бросал в нее, — большинство из них Аямэ попросту не слышала.

— Думаю, на сегодня мы закончим. — Голос отца вырвал ее из размышлений. Хитоси резко выпрямился, стараясь выглядеть так, будто не дремал мгновение назад. Рюити наконец прекратил ворчать над ухом. Рёта шумно поставил пиалу на стол, не рассчитав силу.

Воцарилась блаженная тишина.

Все присутствующие поклонились, вновь нестройно, разноголосо бормоча прощальные слова и с трудом вставая со своих мест. Захмелевшие, старые, они едва двигались. Большинству подняться на ноги помогали вошедшие в зал слуги, которые прежде привезли стариков в дом главы клана и все это время терпеливо ожидали господ на улице.

Зал пустел медленно. Многие оставались обменяться парой слов с Юти, другие переговаривались между собой. В какой-то момент слуги распахнули сёдзи, и поток свежего воздуха, ворвавшийся в зал, вызвал у Аямэ головокружение. Вонь, к которой она привыкла за время собрания и которая не успела выветриться, опять ударила Аямэ в нос, так что желание сбежать возникло вновь, но она заставила себя сидеть на месте.

Когда наконец исчез последний гость, а в зале остались только четверо — Аямэ, ее родители и Хитоси, — отец подошел к наследникам.

— Вы вынесли урок с сегодняшнего собрания?

— Да, Юти-сама.

Аямэ и Хитоси ответили почти одновременно, послушно склонив головы. Их позы от самой макушки

до кончиков пальцев выражали смирение и почтение, как того требовал этикет. Отец задумчиво и протяжно хмыкнул, но больше ничего не сказал. Он подошел к Кику и помог ей подняться. Матушка бросила последний предупреждающий взгляд на Аямэ и в сопровождении мужа и двух слуг покинула зал.

— Все, что я понял, — в следующий раз нужно есть медленнее, иначе я точно усну и завалюсь перед всеми с оглушительным храпом прямо на татами, — тяжело вздохнув, пробормотал Хитоси, и Аямэ позволила себе улыбнуться.

— Не самый плохой урок, не находишь?

— Ну, бывали и хуже. Например, что не стоит брать с собой на задание людей, неспособных вызвать более двух сикигами. Они быстро умирают.

Порой Аямэ забывала, что за весьма дружелюбным лицом Хитоси скрывался такой же жесткий и в чем-то жестокий, как и она сама, оммёдзи. Возможно, именно по этой причине, а не только из-за родственных связей, она и общалась в клане с одним лишь братом.

— Ты не смог ему помочь?

— Несколько óни* против меня и одна кидзё против него. Я правда должен был ему помогать? — Хитоси склонил голову набок и посмотрел на Аямэ внимательным, даже требовательным взглядом.

«Да, должен», — тут же пронеслось в голове. Но эту мысль посадили в Бюро оммёдо, она взрастала под влиянием атмосферы дружбы и взаимопомощи, что всегда окружали оммёдзи, и расцвела из-за Йосинори — ее

---

* Óни — клыкастые и рогатые человекоподобные демоны с красной, голубой или черной кожей.

названного брата, который раз за разом доказывал и показывал Аямэ, что помогать нужно всем, иначе их работа утратит смысл. Но в клане Сайто правили иные законы. Чтобы выжить здесь, ты обязан стать лучшим, переступить через себя и преодолеть все, что задерживало тебя на одном месте.

Так что ответ на вопрос Хитоси, воспитанного в соответствии с местными правилами и законами, мог быть только один:

— Конечно, нет.

Она бы солгала, сказав, что столь незначительный обман никак на ней не отразился, но правда в том, что, проведя столько времени в Бюро, она отвыкла от подобной жестокости. И именно по этой причине слова тяжелым камнем осели в душе, вызывая беспокойство.

— Пойдем отдыхать, — словно ничего не произошло, предложил Хитоси. — Ты, должно быть, устала с дороги, сестренка, а зная тетушку Кику...

Аямэ ничего не ответила, а только невесело рассмеялась и позволила увести себя из зала. Она действительно устала, но не из-за дороги, а от вечера, проведенного в клане. Клане, который всеми силами старался перекроить ее во что-то иное, отличное от того, кем она являлась и какой стала за прожитые годы. И борьба против изменений началась в тот миг, как ее ноги ступили на территорию Сакаи, и будет длиться, пока Аямэ не покинет город.

Это будучь очень долгие и выматывающие дни.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

